

Скоро кончится век, как короток век;
Ты, наверное, ждешь — или нет?
Но сегодня был снег, и к тебе не пройдёшь,
Не оставив следа; а зачем тебе след?

Борис Гребенщиков

Я, заурядный странник,
приветствую твой пыльный бюст
в безлюдной галерее. Ах, Тиберий,
тебе здесь нет и тридцати. В лице
уверенность скорей в послушных мышцах,
чем в будущем их суммы. Голова,
отрубленная скульптором при жизни,
есть, в сущности, пророчество о власти.

Иосиф Бродский «Бюст Тиберия»

Михаил Немцев,

социальный антрополог, литератор,
редактор темы номера «60 параллели»,
Новосибирск,
nemtsev.m@gmail.com,
mnemtsev.livejournal.com

О будущем, или Зачем нам памятники

Введение в тему номера

Освоение человеком жизненного пространства происходит на двух уровнях. Сначала необходимо его освоить в бытовом смысле этого слова: построить жильё, проложить дороги, создать инфраструктуру. Но люди живут не просто «в окружающей среде», а в окружении образов, представлений и идей. Лишь символическое насыщение пространства превращает его в *обитаемый мир* — тогда населённый пункт становится местом, где удобно, приятно, а главное, интересно жить. Такое пространство становится *своим*. Этому учит нас ментальная география и современная философия.

Памятники, мемориалы и места скорби — это то, без чего невозможна символическая среда обитания человека.

Человек живёт в окружении памятников и посещает места памяти. С точки зрения практики развития культуры, насыщенность ландшафта такими объектами — это *ценность*. И дело не в чихлибо сугубо эстетических потребностях, а в том, как устроено сознание. «Человек начинается с плача по умершему», — сказал Мераб Мамардашвили.

Пространство нашей повседневной жизни структурировано образами памяти подобно тому, как время — праздниками. Это очевидно особенно человеку воцерковлённому, который живёт одновременно в «обычном» и в священном времени годового цикла событий священной истории, поминаемых церковными праздниками. Жизнь без

Места памяти оформляют повседневную жизнь людей, выявляют их принадлежность к различным сообществам, «встраивают» их в историю, символизируют значимое прошлое, «учат» исполнению ритуала и указывают будущее.

праздников однообразна и этим невыносима. Но в бедном на образы, монотонном символическом ландшафте такой человек зачастую вполне ухитряется жить и даже хорошо себя чувствовать (я пишу это, представляя себе обычный «посёлок городского типа» где-нибудь в степи — блочные дома, новенькая типовая краснокирпичная церковь, старый спорткомплекс... и, в общем-то, ничего более). В символически опустошённом пространстве постсоветской России реформа праздничного календаря протекает параллельно формированию новой мемориальной среды. Возникают новые места памяти исторически недавних событий, строятся новые памятники или восстанавливаются старые.

1.

1. Места памяти могут возникать в любом месте, без всяких пьедесталов. Вот Звезда Давида на лестнице в Еврейском народном доме в Черновцах (Украина). В советское время здесь был Дом культуры, и на звёздах в интерьере отламывали 6-й луч (на этой — справа вверху). После того, как этот дом вернули еврейской общине, лучи были восстановлены. Теперь на экскурсиях показывают место спайки. Так что перед нами реально действующий знак возвращения традиции (!)

О будущем, или Зачем нам памятники

Введение в тему номера

1.

1. Звонница на Прохоровском поле,
Белгородская область.
Фото Андрея Чумакова, 2009 г.
(Источник – Википедия).

Почему изучение мест памяти и отношения к ним так важно для понимания современной жизни и даже для предвосхищения будущего?

Во-первых, через символическую фиксацию в пространстве некоторых событий определяют свои отношения с прошлым. Выделяя важные события на фоне *неважных*, буквально *недостойных* мемориализации, публично предъявляют историческую преемственность, заявляют о праве наследования героического прошлого.

Места памяти связывают современника с ушедшими поколениями. Можно провести параллели между частными (семейными, родовыми) местами памяти, вложенными в контекст мемориалов местной (региональной) культуры, и местами памяти сообщества, вложенными в контекст уже национальной (или народной) истории. Так, могила героев, погибших в войне, священна для тех, чьи родители и деды покоятся в ней; но это захоронение — часть культурного ландшафта деревни, на окраине которой оно находится; а полноту своего смысла оно обретает только в общей памяти о войне, общего мифа. Или возьмём пример, вызывающий наиболее резкие эмоции: памятник герою Гражданской войны. Едва ли он является святыней для того, чьих предков этот герой расстреливал. Противостояние «красных» и «белых» на уровне коллективной памяти сохраняется до сих пор¹, это

¹ В 2007 году в с. Хмелёвка Алтайского края была открыта мемориальная доска памяти героя Гражданской войны Григория Рогова. Это событие вызвало недоумение у жителей Новокузнецка, в историю которого вписан чёрной строкой «рейд Рогова»: в декабре 1919 года в восставший против власти Колчака город вошёл по приглашению Реввоенсовета партизанский отряд Рогова, и в ближайшие четыре дня были перебиты партизанами от 800 до 2 000 человек. (Сейчас в Новокузнецке группа активистов добивается открытия мемориальной доски на месте их захоронения — это парк «Сад алюминщиков», по советской традиции разбитый на месте старого кладбища.) Журналист газеты «Кузнецкий рабочий» Савва Михайлов пишет: «Вообще, странная история получается (...): в Хмелёвке ставят памятник Рогову, а в Новокузнецке — убиенному им генералу Путилову. На Алтае говорят об увековечивании памяти, а мы вспоминаем, как насильовали на алтаре жену настоятеля собора, рубили людей саблями прямо под образами». («Григорий Рогов: алтайский Чапаев или кузнецкий палач?»)

URL: http://mustagclub.ru/blog/grogov_4apaev_ili_pala4/#more-2745.

проявляется в противоречивом отношении к увековечению памяти адмирала Колчака, о котором пишет наш автор **Никита Кузнецов («Память об адмирале Колчаке в современной России»)**. Для местных жителей такой монумент ещё и примета произошедшей смены эпох. В контексте национальной политики памяти и актуальных национальных исторических мифов памятник вождю Белого движения становится наглядным и всем понятным примером, вокруг которого разворачиваются споры о нравственной и эстетической оценке прошлого. Обсуждая значимость и саму возможность создания или сохранения конкретных монументов и мест памяти, люди солидаризируются с той или

иной частью местной и национальной истории. История отдельной семьи (точнее, *рода*) не существует вне этих двух «бОльших историй»; так и выстраивается культурный контекст отдельной человеческой жизни. Культурные контексты одних порою абсолютно несовместимы с контекстами других, это порождает беспокойство; но кто сказал, что «общая история» — это всегда история, «с которой все согласны»?

Во-вторых, место памяти — не только овеществлённое присутствие прошлого в настоящем (как это показывает **Катя Котова** в статье «**Ленин, церковь и некрополь: ландшафт современного российского города**»), но ещё и символ присутствия этого прошлого *в будущем*. Наследование героическому прошлому даёт надежду на повторение и воспроизводство героических событий в будущем. Памятник и место памяти связывают прошлое с будущим и выводят настоящее (современность) за горизонт повседневности, производя для него двунаправленную перспективу. Отношение к прошлому — это и отношение к будущему. Потому что достойное, замечательное прошлое — это пример «для подражания», в соответствии с которым можно себе представлять будущее². При этом на *какое-то другое* прошлое оно похожем быть *не должно*. Памятники — это ориентиры в истории для тех, кто их создаёт и почитает. Как говорил один герой романа Виктора Пелевина, вы можете попасть в будущее, где не будет меня, а можете попасть и в будущее, где не будет вас. На фасаде «дома Ленина» — большого здания, открытого в центре Новосибирска в 1925 году в память об абсолютном культурном герое того времени, было написано: «Ленин умер — жив коммунизм» (и вот что символично: в 1943-44-х годах Сталин, как известно, открыто призвал героическое наследство национальной истории на помощь идеологии воюющего государства и заметно отошёл от идеологии интернационалистского «строительства коммунизма»;

² По аналогии с этим можно заметить, что социальные отношения будущего, описанные во всех утопиях, всегда имеют аналоги в прошлом.

и в это же время при перестройке здания надпись на фронтоне исчезает).

Кроме памятников и мест памяти, имеющих силу для семьи, локального сообщества и народа, к которым люди принадлежат «пассивно», по факту своего рождения и (или) проживания в этом городе и в этой стране, существуют ещё места памяти и памятники, значимые для сообществ, членом которых человек становится по собственному решению. Это партии, общественные организации, клубы, церкви, секты и т.д. В такие организации можно вступить или быть введённым; из них, как правило, можно по собственному желанию выйти. Надо ли говорить, какое значение имеет сам момент «приёма»

в группу, во многих случаях — буквального посвящения (инициации)? Место или объект, в которых воплощена связь с прошлым, оказываются особой зоной, где посвящение должно произойти, либо посещение некой точки (символическое «путешествие» к ней) должно случиться непосредственно перед посвящением или после него.

Для тех, кто в группу не входит, значимость таких монументов невысока, что может вести к конфликтам — как раз к таким, какие мы наблюдаем в современных российских городах. Чужие ценности — это не совсем даже и ценности. Скажем, человек, к религиозным темам равнодушный, согласен уважать желание религиозных людей сохранить какую-нибудь постройку как символ или памятник истории этого религиозного сообщества, но лишь до тех пор, пока это не мешает реализации его бизнес-интересов. *«Уважение» к чужой памяти часто оказывается слишком слабым сдерживающим фактором, а других причин видеть в этом памятнике что-то особенное у такого человека нет³*, да и требовать у него этого нельзя: он не принадлежит к этому сообществу и не обязан переживать чужую для него память. Так, защитники исторического центра Санкт-Петербурга в 2009 году быстро увидели, что призывы к сохранению центра как культурного наследия⁴ никакого значения не имеют для людей, которые не принадлежат к числу тех, кто наследует это наследие (ибо они не жители Санкт-Петербурга, а если даже и живут в нём, то определённо не входят в сообщество «культурная интеллигенция»; и до того, что, собственно, и делает, по мнению защитников, Санкт-Петербург Санкт-Петербургом, им нет никакого дела).

О будущем, или Зачем нам памятники

Введение в тему номера

³ Эпштейн А. Почему не болит чужая боль: память и забвение в Израиле и в России (публичная лекция в Москве 12 ноября 2009 г.). URL: <http://www.polit.ru/lectures/2009/12/03/epshteyn.html>.

⁴ Речь идёт о борьбе против возведения небоскрёба «Охта-центр», но я не вижу оснований считать, что это дело — уникальное и потому последнее в своём роде. Документы и описания событий борьбы собираются в интернет-сообществе «Сохраним Петербург!»: <http://bashne-net.livejournal.com/>

Места памяти и монументы социализируют членов местного сообщества. Некоторые из них надо знать, чтобы стать менее «чужим» в местном сообществе, буквально «узнать» его (поэтому приезжим в город показывают памятники, а порою и кладбища наряду с другими достопримечательностями — пример такого, ныне уже утраченного памятника в Иркутске, описывает **Михаил Рожанский**); а некоторые из них необходимо посетить, чтобы *утвердить* свою принадлежность к сообществу (эта тема возникает в нашей беседе с **Олегом Генисаретским** и **Владимиром Сорокиным**).

Места памяти исторически возникают как следы самых разнообразных событий; но заботятся о них, поддерживают их существование те, кто заинтересован в присвоении «правильного» или «достойного» прошлого, чтобы оказаться в определённом, «своём» будущем. «Собственник» места памяти или памятника — это, конечно, не тот, кто его купил (или же, хуже того, *приобрёл землю под объектом*), но личность (или сообщество, организация), которая принимает *ответственность* за этот символический объект. Получение права собственности над памятником без заинтересованности в его будущем может привести только к его постепенному демонтажу и замещению чем-то более полезным: автостоянкой или другим социально значимым объектом. При этом могут возникать конфликты, полезные, чтобы выяснить: памятником или местом чьей памяти данный объект на самом деле является? Понятно, что памяти тех, кто печётся о нём как о свидетельстве собственного будущего. А кто печётся о лениных на центральных площадях российских городов?

Поэтому здравствуй споры и дискуссии о памятниках, полемика и конфликты на этой почве! Только в них и рождается ответственный субъект памяти.

Кроме напоминания о прошлом, места памяти и памятники отличаются тем, что это сакральные места, само присутствие в таких местах переживается с особой силой. Естественным

поведением здесь является совершение ритуала. Прежде вся культура жизни человека была пронизана системой ритуалов, организующих переход души из одного состояния в другое. Современный человек если где и переживает ритуальное поведение, то — там. На могилах предков надо почтить память. На мемориале воинской славы — возложить цветы и помолчать. Место, где произошло памятное событие, сакрализуется для его со-участников как бы само собой, спонтанно, и за этим следует мемориальная деятельность⁵.

В идеале можно себе представить, что в пространстве жизни каждого человека выделяются: личные места памяти — фрагменты его собственной, осознанной личной истории; места памяти его рода; памятники событиям и личностям, важным для истории его села или города; есть национальные памятники, мемориалы и святыни, и ещё — такие места, где можно пережить и переосмыслить никак не меньше, чем собственную *принад-*

⁵ «В 1982 году Александр Моисеевич Городницкий оказался в командировке на Кольском полуострове и познакомился в местной гостинице с тамошними инженерами. Вечером выпили. Вдруг инженеры спрашивают: «Как ты относишься к авторской песне?» «Хорошо», — отвечает Городницкий. «А хочешь, — предлагают они, — мы покажем тебе могилу мужика, написавшего песню «От злой тоски не матерись?» Удивлённый Городницкий согласился. Наутро его на вездеходе повезли в тундру. Остановились рядом с брошенной зоной. Вышки поваленные, бараки гнилые... Пусто. «Это кладбище», — говорят инженеры. Подходят к одному из камней: «В этой зоне мужик сидел, там его и убили. И похоронен он под этим камнем». «За что же его?» — спросил поражённый Городницкий. «За песню его и убили, — объясняют. — Помянуть надо». Разлили, сняли шапки. Александр Моисеевич и спрашивает: «Ребята! А вы уверены, что здесь похоронен именно автор этой песни?» Местные обиделись: «А что, разве не Городницкий написал «От злой тоски не матерись?» Вот здесь он и лежит». Выпили, помянули, надели шапки, сели в вездеход и уехали. А фамилию у своего гостя так никто и не спросил...» (Александр Богданов «От злой тоски не матерись...», http://ecotourism-russia.ru/ru/brotherhood/brotherhood_4_2008/gorodnitski.html).

В этой смешной истории обращает на себя внимание то, что гостя, уважаемого человека, везут показать буквально реликвией местной культуры. Пусть это пустырь, где «бараки гнилые», но наличие «могилы» легендарного поэта символически делает его одним из центров местной культуры, включая жизнь этих инженеров в контекст «большой» истории авторской песни. На могиле нужно выпить, сняв головной убор — это упоминается как само собой разумеющееся; нехитрый обряд, но обряд!

О будущем, или Зачем нам памятники

Введение в тему номера

1.

1. Мемориальная доска в Мариуполе. Дмитрий Ильич Ульянов явно не является значимой фигурой даже советской, а тем более – украинской истории. Фото Михаила Немцева, 2009 г.

лежность к роду человеческому (такие места, как Яд Ва-шем или же захоронение великого культурного героя). И это – символический ландшафт, оформляющий настоящую человеческую жизнь в пространстве и времени. Ну а в символической пустоте остаётся лишь перспектива внутренней эмиграции.

Что происходит, когда таких сакральных объектов в пространстве мало, а те, что есть, принадлежат другой – ушедшей – культуре, другому времени, в некотором смысле – другому народу? Оказывается, что поклоняться (от слова – кланяться, совершать физическое действие; культ переживается телесно, физически) негде и некому, а это значит – *нет героев*, нет и связи со священной историей, и потому будущее представляется не чем иным, как *случайностью*, которая может случиться или не случиться (случайно то, что не становится продолжением чего-либо). Это разрыв долговременных преемственностей (традиций), без которых *нет смысла в совместной жизни*. Каждый сам за себя.

И тогда об осмысленной совместной жизни говорить невозможно⁶. Люди оказываются в особом состоянии, которое антрополог Сергей Ушакин назвал «*постсоветской афазией*». Он пишет: «Суть афазии в недостаточности средств выражения, то есть в том, что индивид не может выразить себя адекватно, не может *найти* подходящую символическую форму, в которой означающее и означаемое гармонично соответствовали бы друг другу»⁷.

⁶ В этом корень осязаемого в России дефицита проектного желания («проектных помыслов», как сказал бы О. Генисаретский), который можно только камуфлировать модными разговорами об «инновациях».

⁷ Ушакин С. Бывшее в употреблении: постсоветское состояние как форма афазии. // НЛО, 2009, № 100 // URL: <http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/1641/1686/>. Он пишет: «Поиск адекватных выразительных средств в экспрессивной афазии сводится к активному формированию словаря символов-суррогатов. Нередко нехватка собственных дискурсивных способностей вытесняется тщательной проработкой символических форм, произведённых на предыдущих стадиях индивидуального и коллективного развития. Речь становится набором цитат, а дискурсивное производство – скрупулёзным составлением цепочек из заимствованных означающих».

Поскольку избежать необходимости «выражать себя» для себя самого и других всё-таки невозможно, афазия приводит к тому, что человек или группа начинают пользоваться «суррогатным» словарём, составленным из слов и символов прежде существовавших языков.

Частным примером (или, как знать? — типичным выражением) состояния афазии является ситуация с мемориальной культурой постсоветской России. Сохранившееся советское оформление обитаемого пространства, в том числе памятные знаки о событиях, смысл которых утерян (как, например, эта мемориальная доска в г. Мариуполе на фотографии, рассказывающая о довольно загадочном для современного человека «событии»), поддерживают «связь времён». Но пока она остаётся неотрафлексированной, буквально связь непонятно с чем. Памятные знаки перестают быть материальным выражением *исторической связности*. Слабосилен и незаметен субъект, который эту связь бы озвучил, назвав себя преемником «той», воплощённой в советских монументах, истории⁸. Изобилие устаревших и ничьих памятников при скудости символического ландшафта сдерживает формирование общественной воли. Это не значит, что всё советское надо демонтировать (заменить-то всё равно пока нечем); но ради интересного, несоветского будущего стоило бы сосредоточиться не только на осмыслении прошлого, но и на развитии альтернативных символических систем.

Потребность в обновлении этого социального языка выражается в тотальной *православизации памяти*. Русская православная церковь оказалась единственным носителем легитимной, достаточно мощной символической системы, которая смогла прийти на ме-

⁸ Нашумевший в прошлом году проект восстановления сталинского антуража в московском метро верно был прочитан его критиками как заявка о воле к утверждению преемственности, а разговорам о реконструкции первоначального вида станции не поверили.

сто советской, саму себя исчерпавшей. Не «заменить» её, а именно прийти на место, заполнить вдруг возникшую пустоту. На место Звезды вернулся Крест, причём настолько основательно, что почти невозможно представить себе, чтобы сейчас был поставлен, например, памятник воинской славы со звездой и без креста. Православная символика появилась в оформлении публичных захоронений ещё когда существовал Советский Союз, в конце 1980-х годов⁹. Других языков для символизации памяти и поминовения в современной России нет (кроме мусульманских и буддийских регионов, да и там силы экспансии РПЦ очень велики), и этот язык предопределяет сам формат, стиль, манеру, в которых можно и нужно почтить память и выразить чувство потери. «Воспоминание» оказалось отождествлено с «поминовением». «Православизация» — это не исключительно результат культурной экспансии РПЦ, но, прежде всего, естественное средство самолечения постсоветской афазии.

Глядя на монументальное сооружение, стилизованное под силуэт православного храма и покрытое барельефами с изображением ангелов и святых на месте крупнейшего танкового сражения Второй мировой войны — на Прохоровском поле в Белгородской области, невольно задаёшься вопросом: неужели они сгорали в танках во имя торжества православия? И не имеет ли Звезда больше оснований стоять на этом месте? И в какое будущее зовёт нас этот Крест, водружённый как бы задним числом на могилах воинов Великой Отечественной войны или на мемориалах «афганцев»?

⁹ В моём архиве есть запись интервью с сотрудником музея одного из сибирских городов о том, как в 1989 году происходила своеобразная борьба между местным епископом и начальником городского управления КГБ за то, какой символ будет обозначать место захоронения жертв политических репрессий (первое в том городе такое официальное захоронение). В итоге, крест над могилами был поставлен в три часа ночи, когда наружное наблюдение, выставленное противником, отпраздновало спать.